

18+

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ХАМКИН

ГАРНИЗОН

Юрий Михайлович Хамкин

Гарнизон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51786836

ISBN 9785449850010

Аннотация

Повесть советского офицера, русского журналиста Юрия Хамкина об извечной борьбе правды и лжи, добра и зла, о сложных армейских взаимоотношениях. Повесть впервые была опубликована в самарском издательстве АП «Полиграфист» в 1992 году и носила название «Один день лейтенанта Карташова».

Содержание

ГАРНИЗОН

6

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Гарнизон

Юрий Михайлович Хамкин

© Юрий Михайлович Хамкин, 2020

ISBN 978-5-4498-5001-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть советского офицера, русского журналиста Юрия Хамкина об извечной борьбе правды и лжи, добра и зла, о сложных армейских взаимоотношениях. Впервые была опубликована в самарском издательстве АП «Полиграфист» в 1992 году и носила название «Один день лейтенанта Карташова».

Хамкин Юрий Михайлович родился в 1951 году, в посёлке Усть-Нера Оймяконского района Якутской области. В 1974 году окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Служил в спецназе ГРУ (командир РГ-СН). В 1983 году с должности «командир роты», в звании «капитан», уволен в отставку по состоянию здоровья. С 1984 года – журналист. В 1989 году заочно окончил Казанский государственный университет по специальности «Журналистика». Автор нескольких рассказов («Пока человек

ведёт борьбу», «Перекладина», «Сам против себя» и др.), опубликованных в ряде центральных журналов.

В 90-х годах был одним из самых ярких оппозиционных журналистов Самары.

Как доброволец воевал в сербской пехоте в 1992—93, 95 годах, капитан армий Республики Сербской и Сербской Краины. Автор книги «Поезжай и умри за Сербию! (Заметки добровольца)».

Член общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации» (РУСО).

ГАРНИЗОН

Сыну Сергею посвящаю

/Любые совпадения названий, дат, фамилий – случайность, к действительности отношения не имеющая./

«Слушай же! Я скоро приду и принесу с собой награду! Я воздам каждому по поступкам.»

(Иисус. «Откровение Апостола Иоанна», гл. 22, стих 12.)

По части корреспондента водили. Этому опасному посещению предшествовала непростая цепь событий.

...Еще с середины вчерашнего дня командир полка Черных имел сведения от «своих людей» в штабе дивизии, что «ориентировочно завтра с утра полк намерен посетить комдив. Черных подал сигнал „Свистать всех наверх!“ (Сбор!»). Когда офицеры собрались, поставил задачу «немедленно навести капитальный внутренний порядок», «лучшие силы бросить на уборку территории и буквально вылизать», «общезитием я сам займусь», «с утра организовать занятия строго по расписанию, присутствуют все 100 процентов личного состава. Никого никуда! к занятиям иметь добротные конспекты, журналы заполнить строго по программе. Проконтролируйте, товарищ подполковник!» (к начальнику штаба).

Полк встал на уши. «Наведение порядка» сопровождалось взвинчиванием нервов, нагнетанием нечеловеческого напряжения, вспышками мелкой паники и истерики. В расположение метущих, моющих и драящих подразделений непрерывно вторгались «контролирующие» офицеры штаба: заместители, начальники служб, просто клерки в погонах и комсомолец полка. Вся эта публика, преданно выслушав очередные ЦУ командира, бегом бросалась к назначенным «на контроль» подразделениям. Сильно притормозив у входа, чинно вступали в казармы. И начиналось: «Где командир роты? Ну-ка идите сюда, товарищ старший лейтенант! А это почему до сих пор...? А когда думаете делать? А кто это будет устранять? Командир полка? А вы деньги получать?...». Доведя командиров подразделений до белого каления, обложив матом солдат, вороны слетались в штаб и захлеб докладывали: «Медюшко мышей не ловит...», Капустин потерял контроль...», «Иванов самоустранился...», «Дудкин перепоручил...», «У Сидорова конь не валялся...» На лицах докладывающих искреннее переживание за дело, гневное возмущение нерадивыми командирами, поставившими полк на грань катастрофы. Охрипший Черных тихо сатанел...

Кое-где «контроль» встречал отпор. Начальник физподготовки Скоков у входа в роту был перехвачен её командиром Кардановым:

– А ты меня на арапа не бери, – сходу заорал тот, грудью

наступая на штабную крысу.

– Да я не беру, не беру, – попятился Скоков, но тут же пришёл в себя:

– Как разговариваете! Да я вас сейчас по стойке смирно поставлю!

– А на ар-рапа не бер-ри!

– А вот поставлю!

– А не бер-ри!!!

Но в целом действовало правило: «Пришёл проверять ефрейтор – доложи!»

«Порядок», однако, был наведен. Последний офицер ушёл домой в два ночи, последний солдат лёг спать в четыре.

А подъём в 6! Лейтенант Карташов вскочил с койки в общежитии на 15 минут раньше. Первый рабочий день блестящего перспективного офицера Владимира Михайловича Карташова! А что вы хотите? Элегантность, эрудиция, энергия!

Лейтенант наскоро умылся, накинул китель, портупею, горделиво повёл плечами перед зеркалом, подмигнул лику, надел фуражку и, сделав правую руку саблей, рубанул себя ладонью в середину лба: головной убор должен сидеть точно посередине!

Командир роты капитан Иванов поручил ему «поприсутствовать» на подъёме, «проконтролировать» физзарядку и строевой тренаж. Поприсутствуем! Проконтролируем! Об ожидаемом визите комдива Иванов не обмолвился ни

словом. Лейтенант, однако, понимал сложность обстановки и гордился тем, что «в этот ответственный момент» именно ему, лишь вчера прибывшему в подразделение, доверили «обеспечить порядок».

...Вчера капитан Иванов подробно проинструктировал новичка. Инструктаж носил необычный характер (лейтенант хоть без году неделя лейтенант, но инструктажей успел наслушаться). Иванов не стал объяснять, что надо хорошо служить, не намекал на продвижение, на академию.

– Я предостерегаю вас, товарищ лейтенант, от глупейшего заблуждения, свойственного вашему возрасту и званию. Зарубите себе на носу: никакого «братства офицеров» в Советской Армии не существует. Здесь девиз американских фермеров: «Бог за всех нас, и всякий за себя!» Впрочем, сейчас вы это не поймёте. Я сказал для того, чтобы в недалёком будущем вам не столь больно было освобождаться от иллюзий. Второе, – ходивший взад-вперед Иванов остановился, тяжело посмотрел на лейтенанта, – самое страшное для офицера моей роты – рукоприкладство. Упаси вас Бог хоть пальцем тронуть солдата: вы пропали, лейтенант! Могу простить всё, даже плевков себе в лицо. Это – нет.

– Так ведь если «Подъём!», а он лежит... – пробормотал Карташов.

– Бывает, – вздохнул капитан, – правда, у нас давно не было, но не в этом суть. Суть ещё в одной иллюзии. Несмотря на кажущуюся мощь, советский офицер – один из самых

бесправных членов общества: он превращён в забитого, за-турканного исполнителя чужой воли. Давить нас, грешных, можно как угодно: можно спекулировать на очередном звании, продвижении по службе, можно по партийной линии, можно материально, а можно и морально, например, постоянно напоминая про оклад и пенсию в 45 лет, как это делает замполит. Диапазон спекуляций практически неисчерпаем. Уж не упоминаю о «необходимости повышать боевую готовность», «укреплять воинскую дисциплину»... Но реальной власти у командиров подразделений нет. Как вы можете наказать разгильдяя? Как гласит устав: 4 наряда вне очереди, я – пять и трое суток гауптвахты. Только нет у нас даже этого. Бойцы через день ходят в наряды, а кто свободен, пашет не разгибая спины, в других местах. Гауптвахта? Да это для них отдых! Кроме того, туда и не посадишь: замполит требует выписки из протокола комсомольского собрания, из дисциплинарной практики... Эти палки в колёса необходимы ему для «приличной» отчётности. Понять его можно: у меня, положим, за полгода три человека на гауптвахте побывало, в соседней роте ни одного. Я плохой, Герасимов хороший: он работает с личным составом, я – нет. Офицеры стараются не наказывать бойцов, чтобы иметь «хорошую» дисциплинарную практику. А компенсируют это кулаком. Но есть другой способ добиться абсолютного повиновения: завоевать авторитет. Чем с этого момента вы и займётесь, товарищ лейтенант. Для начала вам необходимо усво-

ить базовую истину: авторитет вы завоюете тогда и только тогда, когда люди поймут: всё, что вы делаете, удачно-неудачно, вы делаете для них и ради них.

– А вот... взыскания – не вся дисциплинарная практика. Есть же и поощрения...

– Молодец, – улыбнулся Иванов, – я сразу понял, что ты толковый. Только поощрения для солдата уже давно пустой звук, кроме отпуска. Увольнения негласно запрещены, чтоб ЧП не случилось. И всё остальное в этом роде. Впрочем, другое дело, если любимый командир похвалит. Тут они расцветут, как майские розы...

Спеша в подразделение, Карташов вспомнил инструктаж и солидно решил: «Главное – спокойно!» Генерал, понятно, на подъём не явится. На зарядку – тоже. Но – как предупредил капитан – " раз начали нагнетать обстановку, то будут жать до упора». С утра шавки начнут шастать по казармам.

Однако, «нервы» не понадобились. По команде рота встала, как один, откинув одеяла на спинки кроватей, быстро построилась, вышла на зарядку. При этом сержанты подавали все положенные команды; Карташову даже рта не удалось раскрыть. «Ничего себе сержанты! Вчера кто-то говорил, что в Советской Армии нет сержантов: офицер – он же сержант, он же ефрейтор.»

Лейтенант вылетел вслед за ротой. Рота во главе со старшиной понеслась на спортгородок. Лейтенант – следом. Рота начала наматывать круги по беговой дорожке. Лейтенант на-

матывать круги не стал. Подошёл к перекладине, неторопливо снял фуражку, кителёк, галстук: решил лично размяться. Сделал несколько экстравагантных пируэтов, ослепительное солнце, каскадёрский соскок. Хотя рота и бежала себе, вроде забыв про лейтенанта, но великолепный трюк был замечен, раздались приветственные крики. Лейтенант небрежно помахал рукой. В строю засмеялись. Устанавливались первые контакты.

Вороны слетелись минут через 10. Тогда же подбежали другие подразделения. И тут лейтенант заметил, во главе почти всех были не сержанты и старшины, а офицеры. Около каждого подразделения болталось минимум двое «проверяющих»: из штаба части, из штаба батальона, но к роте Иванова никто не подходил. Короче, всё «вэри вэлл». Тренаж тоже прошёл нормально. Но случился инцидент. Организовав занятия во взводах, лейтенант вплотную занялся своим. Тема – строевые приемы с оружием. Лейтенант с упоением тренировал взвод.

И не заметил, откуда возник этот маленький худошавый офицер – зам командира полка по строевой подготовке подполковник Датий. Он стоял, шальными весёлыми глазами наблюдая за Карташовым. Бойцы зашикали, указывая на опасность. Карташов встрепенулся, но:

– Bravo командуете, лейтенант. Приятно слушать. Ну а сами-то вы владеете приёмами? К оружию!

Карташов чётко выполнил приём. Он не испугался. Сей-

час призёр окружных соревнований курсант... то есть лейтенант Карташов покажет этому подполковнику, что значит владеть оружием!

Датий подавал команду за командой. Карташов выполнял. Это было красиво! Он и сам знал, да и восхищённые лица бойцов говорили о том же. Выполнен последний приём. Датий оставался задумчив и неподвижен.

– «Два», товарищ лейтенант!

Карташову показалось, что лица солдат вытягиваются и уходят в небо, а плац пошёл буграми.

– Дайте автомат!

«Сейчас получишь!». Карташов перехватил оружие за цевье и резким толчком швырнул в лицо подполковнику. Но Датий как-то особо, изящно-небрежно выставил ладонь, и автомат прилип к ней. Снисходительно:

– Командуйте, лейтенант!

То, что затем последовало, лейтенант запомнил, как блестящий каскад безукоризненно выполненных приёмов.

– Запомните, лейтенант, – сказал Датий, возвращая оружие, – в этой дивизии (небрежный жест) по строевой у всех «два». У меня – «три».

И ушёл.

– Понравились вы ему, товарищ лейтенант, – просветили бойцы, – раз сам взялся показывать. Теперь ваш лучший друг будет.

На разводе «головка полка» – командир части майор Чер-

ных, замполит подполковник Килимнюк, начальник штаба подполковник Орлов – держалась сплочённо и озабоченно.

Вызвав офицеров к трибуне, Черных рычал:

– Все сто процентов личного состава на занятия. Упаци Бог увижу болтающихся! Занятия организовать как положено, использовать наглядные пособия! (Презрительно:) Пыль не забудьте стереть. (Вопрошающий взгляд в сторону начальника штаба):

– Возможно, поднимет по тревоге?

– Исключено.

– ?

– Прецедента не было. Хотя... из самодурства, разве что.

– И всё же, – Черных потыкал офицерам указательным пальцем, – ещё раз уточните боевой расчёт, дежурных по ротам – в ружкомнаты, пусть там... пыль стирают. (Вопрошающий взгляд в сторону начальника штаба):

– Возможно, проведёт строевой смотр?

– Предусмотрено: личному составу выданы новые х/б, дано время на подгонку и глажку.

– Офицеры?

– Дал команду быть готовыми. Разрешите проверить?

Проверка внешнего вида сопровождалась требованиями типа: «Предъявите две иголки с белой и черной ниткой, товарищ капитан!»

– А у меня вместо чёрной – зелёная.

– Можно – зелёную...

Или: «Предъявите носовой платок, товарищ майор!... А почему в клеточку? Положено – белый...»; «Предъявите расчёску в чехле!»...

Но основной удар пришёлся по причёскам офицеров. Удар был подготовлен теоретически:

– Товарищи офицеры, – хитро прищурился Орлов, – какую причёску – согласно уставу – обязан носить солдат, а какую – офицер?

Вылезать никому не хотелось.

– А-а! – Орлов просиял, – такие тонкости надо знать, товарищи. (Благоговейно:) А ТАМ написано: солдат носит короткую аккуратную причёску, офицер – аккуратную, – закончил Орлов со счастливым видом человека, поделившегося самым сокровенным. Далее, сняв головной убор, он на собственной голове продемонстрировал «аккуратную причёску» и приступил к проверке. То и дело в воздух ввинчивались вскрики: «Вы почему не подстрижены, товарищ лейтенант?! А потому что вам на всё плевать! Товарищ капитан! Вы в состоянии привести в порядок этого распоясавшегося лейтенанта?!» Ответ неизменно был положителен. На правом фланге 2-го батальона стоял русоголовый гвардейского роста офицер – старший лейтенант Сторожук.

– А вы почему не подстрижены... – завёл шарманку Орлов.

– Зато я побрит! – отчеканил бравый Сторожук и в доказательство провёл ладонью по щеке.

Орлов похлопал глазами и обратился к комбату: «Вы в состоянии его привести...» «Так точно!» Орлов в сердцах плюнул и ушёл в другой батальон. Проверку скомкали и закончили.

Но вздыхать с облегчением было рано. На случай строевого смотра Черных решил потренировать офицеров «выходу из строя». Пробормотав «время ещё есть», он приказал офицерам встать в общий строй. Забрался на трибуну и, едва не проглотив микрофон, воззвал:

– К торжественному маршу!

Офицеры рубанули строевым в голову колонн.

– Горох! – с ужасом воскликнул Черных – Отставить! Обращаю особое внимание на дисциплину строя!

Сев на своего конька – дисциплину строя – Черных потребовал Устав. Комсомолец части слетал за Уставом.

– Зачитываю! – проникающе возвысил голос Черных, – «Командир обязан поддерживать дисциплину строя и следить за точным выполнением подразделениями команд и сигналов и за выполнением военнослужащими своих обязанностей в строю.» Именно это положение мы не выполняем, именно это!

Были зачитаны ещё несколько «положений», которые «у нас почему-то никто и не думает выполнять».

Опять приступили к тренировке по команде «К торжественному маршу!» Раз на пятый стало получаться слаженно, но тут в строю был обнаружен лейтенант, который не под-

нимал ногу.

– Вы почему не поднимаете ногу?! – загремел вошедший в раж Черных.

Офицеры завертели головами. Черных перегнулся через трибуну:

– Вы, вы, товарищ лейтенант! Прекратите вертеться! Я вам говорю! – усиленный микрофоном голос, как колокол:

– Товарищ майор! Вы в состоянии заставить этого лейтенанта поднимать ногу?!

Майор козырнул. Колокольчиками засмеялись мальчишки, как галки, усеявшие забор.

Раз двадцать офицеры выходили «к торжественному маршу», раз десять часть поорала «здра... жла... тов... генерал!»

(«Отвечать как генералу!»), раз пять прошла торжественным маршем, три – с песнями.

От КПП до крыльца штаба легла красная ковровая дорожка. По ней сгорбившись, заложив руки за спину, тигриным шагом взад-вперёд расхаживал Черных. Время от времени он поднимал голову и бросал грозный испепеляющий взгляд окрест. Пустынно дышал асфальтом выметенный плац, изумрудно тосковала под солнцем причёсанная граблями трава, покинутыми невестами стояли свежепобеленные деревья. Народ, по указанию начштаба, попрятался, «дабы своим гнусным видом не позорить фронт», как в своё время го-

варивал царь Пётр. Часть подразделений выведена за территорию «на тактические занятия», остальные, обложившись наглядными пособиями и учебниками, выставив наблюдателей, засели в классах, ленкомнатах. Тишина.

Черных напряжён и собран. Он на должности недавно, комдива у себя встречает первый раз. Надо, чтобы комдив запомнил и его часть, и его, Черныха. Упаси Бог испортить первое впечатление, изменить его будет трудно. Невозможно!

Из-за угла вывернулся бывший командир 6-й роты капитан Красиков, под хмельком. Завтра с повышением убывает в другую часть. Красиков пил третий день и не знал о грозных событиях в полку. Капитан огляделся в поисках «живой души» и увидел командира полка. Рубанул строевым. Подошёл, взял под козырёк:

– Товарищ майор! Разрешите обратиться! Вы не видели Дудкина и Карданова?

Черных диковато взглянул на офицера:

– Кой чёрт Дудкин и Карданов?!

– Ик. Разрешите идти?!

– К... матери!!!

Гуманоид исчез.

У ворот возникла суета, через мгновение они распахнулись, и чёрная генеральская «волга», без задержки миновав КПП, остановилась. Черных кинулся открыть дверцу. Не успел. Дверца распахнулась и перед Черныхом возник

плюгавый капитан в фуражке блином. Что там гуманоиды! Черных потерял дар речи.

– Капитан Изюмов, – представился капитан, – корреспондент окружной газеты «За Родину!».

Черных сглотнул и, глупо улыбаясь, сообщил:

– А мы генерала ждали...

– Мы вместе ехали, но по дороге перехватили. Генерал вернулся.

– А...а почему?

– Не знаю точно, какое-то ЧП в соседнем полку.

ЧП у соседей! Черныху сразу стало легче: гром ударил в другую сторону и, если ЧП стоящее, пожар там будет гореть еще долго. И, как говорится, «гори, гори ясно, чтобы не погасло!»! На этом фоне нужно срочно отличиться... – Так! Ну что ж, товарищ капитан, очень рады, добро пожаловать! Сейчас я познакомлю вас с замполитом полка. Он ответит на любые вопросы, покажет всё, что пожелаете.

Сдав корреспондента замполиту, Черных распорядился построить полк на повторный развод («Только время зря потеряли!»). Подразделения были распределены на хозяйственные, в автопарк, на стрельбище, на свинарник, в позиционный район... Часть подразделений убыла на гражданские предприятия зарабатывать стройматериалы. Неудачливым офицерам было предложено «работать по личному плану», что означало «с глаз долой». Жизнь полка возвращалась в наезженную колею. Черных уже раскрыл рот,

чтобы скомандовать: «Развести подразделения к местам работ!», но тут высунулся майор Меркулов:

– Разрешите, товарищ майор! А полевое занятие с комбатами и замами будет, как положено?

Баран! Сто лет служит, а службу не понял. Какое, к чёрту, занятие. Ну придут комбаты к штабу, постоят... дежурный выйдет, скажет: «Занятие переносится, работайте по своему плану.» Всё тихо, мирно. А теперь – что? Ему, командиру полка, признавать перед строем, что отменяет самим же назначенное занятие?

– Не понял. Что вы имеете ввиду?

– Ну, я к тому, что вроде, мол, и офицеров не остается... – промямлил Меркулов.

– Прекратите, товарищ майор! Я удивляюсь: всем нужны аудитории, широкие массы... Каждый лезет в полководцы. Не – ет, товарищ майор. Даже если в полку останется один единственный человек, я буду его учить. Мы совсем забываем про боеготовность...

От таких речей у замполита глаза на лоб полезли и он сказал:

– Внимание замполитам батальонов, рот! Ровно в 13—00 все сто процентов в методический кабинет. Никаких «уважительных причин» не признаю! Может кто-то тоже решил, что лекции не будет? ***

Килимнюк занялся корреспондентом. А что прикажете делать? Этот проходимец Чкрных столкнул их лицом к ли-

цу: «Вот наш замполит, всё знает, всё покажет...» Что показывать, когда сам тут же разогнал часть. По совести, так надо бы сунуть парторга, но его что-то не видно. Чем вообще занимается этот бездельник в свободное от пережёвывания пищи время? Будем переизбирать. А кого ставить? За всех приходится работать.

Килимнюк попытался сориентироваться, что уместнее показать газетчику. Ясно, это должно быть нечто нейтральное. Возможно, и хорошего негусто, но и плохого абсолютно не должно быть. «Например, медпункт. Чистота, забота о людях, эскулапы всегда на месте. И ещё, надо все же срочно организовать показное занятие. Поприсутствует, поговорит с бойцами, покормить и пусть уматывает. День будний, подвигов нет.» Наметив программу, Килимнюк облегчённо вздохнул, но опять озаботился: как сейчас занятие организуешь? С кем? Кто? Где? Какие-то занятия сейчас могут идти лишь в роте Иванова. Килимнюк поморщился: туда не хотелось. Этот наглый капитан в последнее время стал вообще неуправляем. Вчера Килимнюк в почти дружеском разговоре случайно сказал ему «ты». Наглец с оскорблённым видом заявил; «Тыкать» своей жене будете, товарищ майор.» Вот с какими людьми приходится иметь дело.

Килимнюк сильно поморщился и двинул газетчика к Иванову. Ввел в казарму. Дневальный отреагировал сразу и грамотно: – Смир-рно! Дежурный на выход!
– Занятия идут? – спросил Килимнюк.

– Так точно! В ленкомнате. Лейтенант Карташов проводит.

Подбежал дежурный по роте, доложил, представился.

– Где командир роты?

– Пошёл домой переодеться в поле на тактические занятия.

Корреспондент задал дневальному несколько трафаретных вопросов о службе («А как тебя, братец, кормят?»...). Солдат ответил («Правильно ответил», – мысленно одобрил Килимнюк), корреспондент черкнул в блокноте. Килимнюк повёл газетчика в ленкомнату, по пути обращая внимание на «твёрдый внутренний порядок» в помещении; гость согласно кивал, ему нравилось. В ленкомнате лейтенант Карташов поднял людей, представился, назвал тему занятий. Шли занятия по уставам. Корреспондент ходом занятий интересоваться не стал, спросил:

– А, извините, какое здесь подразделение? Это ваш взвод, да, товарищ лейтенант?

Карташов пояснил, что это «остатки личного состава роты, не задействованные на хозработах».

– Значит, тут представители всех взводов, – обрадовался корреспондент.

– Так точно!

И тут корреспондент невольно загнал Килимнюка в ловушку:

– Скажите, это хорошее подразделение?

Хвалить Иванова Килимнюк не собирался.

– Отличные солдаты! – вывернулся замполит. – Всё могут. Реально. В нашей части ни боевая, ни политическая подготовка никогда не хромали. Всё строго по плану.

Испытывая внезапное воодушевление, Килимнюк, бросив взгляд в окно, воскликнул:

– Кирпич!

– Ну...

– Вы понимаете – кирпич!

– Ну-ну...

– Берут рукой кирпич – р-раз! И на две половинки!

– Что?!

– Кирпич!

(Бойцы во главе с лейтенантом разинули рты.)

– А... как, все? – моргал корреспондент.

– Ну, не все, конечно, – спохватился Килимнюк, – но есть, есть у нас такие.

– А... например, какие-то наставления, что-ли, есть? Можно ведь и руку... того, – гость вдруг тоже глянул в окно. – Ни-ни! Всё строго согласно инструкциям, наставлениям и технике безопасности. Реально. Бойцы сжимали губы, их глаза искрились. Газетчик начал задавать свои шаблонные вопросы про службу – дом - семью. Ответы звучали весело и звонко. Расстались, довольные друг другом.

Едва гости за порог, казарму сотряс громовой хохот: смеялись, хлопая друг друга, бойцы, смеялся, уткнувшись в стол,

лейтенант, хохотал дежурный и, ничего не понимая, трелью заливался у тумбочки дневальный. Таким и застал родное подразделение капитан Иванов, заскочивший за полевой сумкой:

– В чём дело?

Карташов, прыская, доложил о посещении роты пресой. По ходу изложения лицо капитана каменело, в глазах плеснулась ненависть. Стало не до смеха. Иванов процедил сквозь зубы:

– Послал бы ты их... подальше. Ладно, продолжайте занятия.

Тем временем поход корреспондента по части продолжался. Проходили мимо поваленного дерева, печально взиравшего на белый свет огромным желтым глазом распила. Его пышная крона с увядающими листьями привлекла внимание гостя и он укоризненно заметил:

– Кругом голая степь, а вы такое дерево спилили. – Да кто его спилил! Боже упаси! – в момент отреагировал Килимнюк, – Само упало. От молнии. Молния кэ-эк шархнет Какое ж тут дерево устоит! Планируем восстановить. Реально. Корреспондент удивлённо покосился на сопровождающего, но промолчал.

Был введён в медпункт. Здесь чисто, уютно. Замполит объяснил гостю, что забота о здоровье личного состава – приоритетная среди множества командирских забот: «Медики думают, что они властители над нашими бранными тела-

ми. Э, нет! Кому уставом предписано следить за гигиеной личного состава, закаливать его? Нам, командирам. Да мы просто не допускаем, чтобы солдат заболел! Вы посмотрите, как мало болеют, – подсовывал Килимнюк газетчику незаполненную книгу учёта больных.

Дело чуть не подпортил начальник медпункта. Костоправ начал чевой-то плести, мол, медиков-де постоянно отрывают от больных в пользу плаца, политмероприятий... но был своевременно заблокирован Килимнюком: «Вы что, товарищ старший лейтенант, на службу жалуетесь?!».

Когда вышли на свежий воздух замполит предложил гостю отведать «наших солдатских щей с кашей», присовокупив, что, «как гласит старая солдатская поговорка – «щи да каша – пища наша», хе-хе.

В столовой их уже ждали, но старательно делали вид, что не ждут.

Килимнюк, войдя, потянул носом, оглядел залитый солнцем зал и к дежурному:

– Вы почему, товарищ лейтенант, мух развели? Кто вам дал право мух разводить? Последний приказ по округу гласит: кругом дизентерия. Вы что, хотите, чтоб весь полк дрыстал?

Рыжий лейтенант смущенно пробормотал, что с мухами борется. Замполит кивнул и чинно провёл гостя к столу. Корреспондент поинтересовался, почему в столовой дежурит офицер, «ведь положено сержанту».

– Ничего, пусть работает. Кормление личного состава – узловой момент. В целях повышения ответственности – пояснил замполит.

Присели. На стол были поданы щи, которые во всех газетах Вооружённых сил привычно проходят как «густые, наваристые». Отведав, газетчик про себя отметил точность эпитетов, а вслух похвалил поваров. Затем была подана каша, которая по тому же реестру числилась как «сытная». Журналист опять удивился точности армейского пера. Подали чай, который – «сладкий, ароматный». Стоит ли говорить, что всё это было съедено с «богатырским аппетитом» или, если любовно, с искоркой юмора – " с треском уплетено за обе щеки».

Килимнюк проводил корреспондента и вернулся в кабинет. Упал в кресло, несколько минут сидел неподвижно. Вид такой, будто паровоз поднимал.

Отдышался. Кажется, всё в порядке. Но успокаиваться рано, его уже «сориентировали»: к концу месяца следует ожидать Члена Военного Совета. С камарильей, естественно, а она весьма прожорлива. Надо готовиться. Килимнюк вздохнул, подошёл к сейфу, достал из недр список гарнизонных проституток (по алфавиту). Сел, положил перед собой и глубоко задумался.

(В окружной газете появится репортаж строк на триста, где подробно и восхищённо будет описан ход занятий по уставам. Журналист спишет методику его проведения

с методического пособия, но наполнит материал реальными фамилиями, реакцией обучаемых, приведёт несколько разговоров «по душам». Не будут забыты «заботливые врачи», «густые наваристые щи», «сытная каша», «сладкий ароматный чай» и «какой-то очень простой, свойский, великолепно знающий солдатскую душу трудяга-замполит Василий Егорович Килимнюк».)

И всё же довести до конца занятия не удалось: позвонил дежурный по части, спросил, сколько человек осталось в роте.

– 11, – взял трубку Карташов.

– Ага! Записывайте, лейтенант: 2 человека на вещевой склад прапорщику Жучкову, 2 человека – прапорщику Петрищеву на склад боеприпасов, остальных на кухню, картошку чистить: опять картофелечистка сломалась. Срочно!

Карташов проинструктировал и отправил людей. На кухню привёл сам, представил дежурному. Вернулся в казарму, пошатался по ленкомнате, понаблюдал за работой дневальных... Засел в канцелярии, достал боевой устав «Батальон-рота» и углубился в раздел «Наступление в горах». Лейтенант любил горы.

Через час лейтенант решил пройти по объектам, поинтересоваться, как работают люди. Побывал и у прапорщика Жучкова, и у прапорщика Петрищева, и на кухне, везде задавая вопрос: «Ну как тут мои орлы?»

И везде получал ответ:

– Ничего, работают. Да вы не волнуйтесь, товарищ лейтенант.

Карташов вернулся в канцелярию и углубился в главу «Наступление в пустыне». Лейтенант не любил пустыню, но дело надо знать. Через час повторил обход. Вопрос не изменился, ответ тоже. Жара. Возвращаться в расположение не хотелось, идти в обход по третьему кругу явно не имело смысла.

– Володя, – от угла махал рукой лейтенант Мельников, офицер их роты. Вчера познакомились, понравились друг другу. Распили пузырь.

Карташов обрадовался товарищу:

– Серж, ты откуда?

– Тебя ищу. Пошли-ка с глаз долой. Ты что по части шляешься?

– Я не шляюсь...

– Э! Сейчас встретил своего бывшего комроты Сороку. Дурак, сплетник и прохвост. Я от него к Иванову сбежал. Заявляет: «Штой-то ваш новый лейтенант среди бела дня по части шляется, ему што, делать нечего?» Я всё понял и тебя искать.

– Так я ничего и понял. Я же...

– Знаю, ты контролировал личный состав. Только кому это нужно, а вот сейчас Сорока растрешит по части: «Этот новый лейтенант в разгар рабочего дня, руки в брюки, парад-

ным шагом – так и скажет, скотина – разгуливает по части.» Если даже Сорока такое не при замполите ляпнет, всё равно через пять минут донесут. Ярлык готов: «Прислали бездельника». Очень удобно для замполита. При очередном ЧП он в дивизии заплачет: «Кого нам присылают – бездельников. Вот, например, лейтенант Карташов: не успел приехать...» И пошло-поехало... Тут тебе и «полк комплектуют – «бери себе боже, что нам негоже»; тут тебе и «полк ссыльный»... Эх я! Ведь ещё на разводе думал предупредить. Забыл. Пить надо поменьше.

– Ну уж... – засомневался Карташов, – уж больно ты раздул.

– Эх, молодо-зелено, – сокрушённо покачал головой Серж, но Карташов решил доказать, что он тоже «тертый калач»:

– Да начПО ему скажет: «Воспитывайте, товарищ подполковник!».

– Правильно, так и скажет. А тебе от этого легче будет? На разводе командира взвода ПТУРС старшего лейтенанта Сазонова видел? Сколько ему лет?

– Да, обратил внимание: для своего звания староват.

– Где-то за 30, а старлей. Его однокурсники уже майоры. Но суть не в этом. В его аттестации чёрным по белому написано: «Склонен к карьеризму».

Карташов прыснул.

– А чего, спрашивается, смешного? Это же форменное из-

девательство. Он не дурее нас с тобой. Но, как рассказывают, на заре «карьеры» по пьянке ляпнул: «Вы думаете, господа офицеры, это комбат тот показатель учебный бой для командующего организовал? Да он у меня взял карту и всё списал. Фактически я командовал!» И всё. Уже десять лет во всех аттестациях пишут: «Склонен к карьеризму». Тот, кто первый написал, может быть сделал это искренне, а остальные пошли списывать друг у друга.

Однако Карташов воспринял повествование как анекдот из репертуара черного армейского юмора. Он засмеялся, отдавая дань мастерству рассказчика. Мельников веселья не разделил, а выдвинул план спасения:

– Значит так! Иванов вернётся, ему доложишь. Он Сороке глотку заткнёт. Но на Бога надейся... Сейчас, кого ни встретим, всем будем говорить, что ты устраиваешься в общежитие. Парализуем Сороку и всех других возможных сорок. А вообще имей ввиду: сранья показался и был таков, если, конечно, личный состав разобрали. В рабочее время по части передвигайся как в разведке, от укрытия к укрытию, используя складки местности. Или как сейчас, тайными тропами.

Картанов оглянулся: они шли тропинкой между забором и шеренгой тополей. Через дыру оказались на улице.

– А куда идём?

– Пиво пить.

– Как? 12 часов!

– Самое время. Ты посмотри, какая жара.

По дороге Карташов узнал, что каждый батальон имеет свой чапок. Главное, чтоб на отшибе. Командир с замами обычно пьянствует у монастыря, в десяти кэмэ от города. Там весьма уютный чапок, но и мы не лыком шиты. Это 2-й батальон – ха-ха! – собирается в каком-то вонючем гадюшнике.

– А у нас в училище тоже у всех свои места были, – припомнил Карташов.

Так, болтая, лейтенанты прошли окраинными улочками и уткнулись в приземистое здание. По лестнице – вниз. Мельников толкнул дверь, прошёл вперёд, а Карташов ошеломлённо застыл на пороге: офицеры батальона во главе с комбатом Медюшко сидели за сдвинутыми столами. На столах пиво в открытых бутылках, вобла и шелуха от неё, на полу батареи пустых бутылок. Дым коромыслом. Распаренные лица повернулись ко входу:

– А-а! – радостно закричал комбат Медюшко, – понял службу, лейтенант! Давай сюда, мы вас тут уже давно ждём! Штрафную ему!

– Сообразительный, – хихикнул кто-то, – я на третий день понял.

Карташова усадили, поставили стакан, подвинули пиво, рыбу. Массивный как шкаф капитан, НШ батальона Рогуля достал из-под стола початую бутылку водки, налил прибывшим «двойную»: «Давай!». Карташов поднял стакан, окинул

взглядом сидящих и «дал». Свободно. Раскованно. Не морщась. Офицеры рассмеялись: «Свой человек!», «В нашем полку прибыло»... Рогуля тут же доразлил бутылку, заменил на новую, продолжив священнодействие, да так ловко, что во всех стаканах оказалось ровно «на два пальца». Эвакуировав бутылку под стол воззвал: «За молодёжь!», и к Карташову потянулись стаканы, приветствия, улыбки. Карташов чокался, кивал, и чувствовал себя равным среди равных, гордым среди гордых, сильным среди сильных. Расправил плечи, украдкой скосил глаза на новенький лейтенантский погон.

Разговор вернулся в общее русло, неспеша опорожнялись бутылки с пивом. Вниманием завладел тонколиций быстроглазый офицер:

– Стою, никого не трогаю. Тут Черник, наш отец родной. Уже мимо прошёл... вдруг резко развернулся и шасть ко мне: «Товарищ лейтенант, а помните, в прошлом отчётном периоде вы опоздали в строй?» У меня шары на лоб. А он: «Неужели не помните? Мы вам на собрании указывали». «Помню, – говорю, – но больше ведь не опаздываю.» «Правильно, – одобряет, – а если опять опоздаете, мы вам опять... укажем!». И ушёл...

– ...записать, что провёл индивидуальную беседу с лейтенантом Гордеевым, – продолжил кто-то. Раздались ещё язвительные реплики. Медюшко помрачнел, схватил бутылку, опорожнил на половину и, двинув доньшком об стол, про-

басил:

– Послал бог замполита...

– Килимнюку стучит... Они два брата-акробата, один хрен, другой лопата... – раздражённые ядовитые словечки с разных сторон подсказали Карташову, что замполит батальона Черник «большой любовью и доверием сослуживцев» не пользуется.

Но Рогуля зорко следил за настроением:

– Господа! Что за тон: на службе о бабах-с, при бабах-с о службе. Анекдотец: встречаются два солдата. Один жалуется: ты знаешь, какой у меня командир дурак. Даёт рубль: «Бегом две бутылки водяры, закусь.» А того не соображает, дурак, что сегодня воскресенье и водку не продают. (Смешки.) Второй солдат: «Это что, вот у меня изверг, в штаб погнал: «Бегом, говорит, узнай, я в штабе или нет. А у самого телефон под рукой.» (Хохот.)

... – Солдат, это такой человек, которому нельзя давать ни спать, ни есть, ни пить. Ото сна он тупеет, от еды борзеет...

... – Через месяц приезжает в свою бывшую часть уже генералом. Из «волги» вышел, величественно огляделся: «Это ж надо, месяца не прошло, как передал полк и вот: до какой степени всё развалили!»...

... – Да-а, Балашов уже в округе. Он едва прибыл, сказал: «В этом полку мне делать нечего, я буду там. Прогибался как осина под ветром. И вот он – там, в штабе округа. Правда, пока шестёркой, но пролезет и на подполковничью.

– Уже пролез. Там вилка: майор-подполковник...

... – Сомов уже генерал?! Помню его – кремень! Ох, дрючил! Ох, дрючил! Ох, дрючил!..

... – В казарму раз заходит, папахой едва поток не скребёт. Во всё лезет: «Товарищ капитан, а почему у вас батареи с этой стороны греют, а с той – нет? А я – чёрт его знает!

– И отправили подальше потому что во всё лез...

... – Да мне сам генерал Косоротов сказал: «Плохо, товарищ лейтенант! Отвратительно!»

... – Клянусь, я два часа без конспекта могу говорить о социалистическом соревновании...

... – А командир с замами как раз в сауне парился, там, знаете, у озера. До Нового года буквально полчаса. Врываюсь: пиво пьют. Ору: «Солдат погиб!». Немая сцена, потом командир как завопит: «Оживить! Немедленно оживить!», слюной брызжит, ногами топает...

Бутылки с пивом опорожнялись и тут же заменялись новыми, офицеры с треском очищали воблу. Рогуля время от времени вскрикивал: «По чуть-чуть!» извлекал из-под стола водку и разливал всем «на два пальца». Карташов почувствовал, что и ему пора рассказать что-то весёлое.

– А я вчера пришёл в парадной форме в штаб части представиться, как положено. Командир ещё не подошёл, стою, жду. В сторонке два капитана, связисты, тоже в парадке. Тут подходит начльник штаба Орлов. (Офицеры сдвинулись: про «Орла» всегда интересно.) И к связистам: «Кто такие?» Ну,

один руку к головному убору: «Капитан Мамочкин, прибыл для прохождения дальнейшей службы...» Орёл странно посмотрел и к другому. Тот тоже: «Товарищ подполковник, капитан Лапушкин...». Орёл аж пятнами пошёл и, чуть не плача: «Чёрт знает что! Присылают всяких мамочкиных, лапушкиных... а связи как не было, так и нет!». Махнул рукой и пошёл.

Карташов было хихикнул, но осёкся. Офицеры помрачнели.

– Вот так, – сказал комбат Медюшко, – не успели парни шагу ступить по части, а уже – мнение.

Командир 1-й роты, «направляющей роты полка», капитан Иванов с тремя офицерами трясся в кузове ГАЗ-66. Впереди пылил «уазик» командира полка – Черных вёз в поле «командиров и начальников штабов батальонов». Таких в части числилось десять человек, но явились четверо. Из них трое символически представляли означенные должности, натуральный комбат – майор Меркулов.

...После повторного развода Медюшко попросил Иванова: «Петрович, съезди, поприсутствуй. Сил моих больше нет слушать всякую безграмотную чушь, а тебе всё равно скоро в отпуск.»

Отпуск тут был, конечно, не при чём, но они понимали друг друга, и Иванов ответил: «Хорошо. Какая разница, где дурью маяться.» И вот 66-й. Общий трёп, но Иванову

не до трёпа.

...Вчера он беседовал с прибывшим в роту лейтенантом. Лейтенант как лейтенант (как он сам семь лет назад): телячий восторг, святая наивность, отличная профессиональная подготовка. (Интересно, каким образом училищам всё ещё удастся сохранить себя от распада. Что же будет, когда уйдут последние воспитатели и преподаватели-фронтовики?). Что же останется от лейтенанта, скажем, года через три? (Что осталось от него самого?). Восторг сменится апатией, наивность ожесточением, багаж знаний сведётся к десятку расхожих истин. И ждут лейтенанта три дороги: а) «вперёд и вверх» – «по трупам», как любит выражаться «лучший друг» Алексеев, б) «употребление спиртных напитков», в) «лямка», которую надо «тянуть» до пенсии. Кстати, последнее не так скучно, как кажется. Большинство приспособилось: на службу «ходят», дома «живут», кто собак прогуливает, как Меркулов, кто по чужим жёнам, как Сазонов, кто в меломаны подался, как Федин. Если сегодня Карташова бросить в бой, он станет героем. А через три года? И что вообще случится, когда он поймёт, что цель, которой он решил посвятить себя никому не нужна? Что продвижение по службе абсолютно не зависит от добросовестности и профессионализма, а со временем от других, подловатых качеств. (А что случилось с ним самим?). Карташов умен, имеет убеждения, вдобавок честен. Вот и крышка Карташову: собак прогуливать не станет, «по трупам» не ползет. Что остаётся? (А что

остаётся ему, Иванову? Он своё отпил, выбрался из ямы. Куда? Покажите, где свет Божий!)

...Черных, объявив тему занятия – «Мотострелковый полк в обороне», неторопливо, со вкусом, развернул карту на бруствере окопа. И все чинно развернули карты на бруствере окопа. Черных взглянул на часы. И все взглянули на часы. Последовало значительное и торжественное: «Ввожу в тактическую обстановку. (Все наострили уши.) Противник силами 8 МПД, прорвав оборону наших войск на рубеже село Елховка – село Высокое (все уткнули носы в карты), развивает наступление в направлении железнодорожного узла Прохладный. Наш полк занимает оборону с передним краем излучина реки Сок, западные скаты высоты 160 и 3...» Черных живописал «сложную, быстроменяющуюся» обстановку перед фронтом полка: действия тактических воздушных десантов, разведывательно-диверсионных групп, наличие у противника ядерной артиллерии... Иванов слушал, а в мозгу вертелось из «Тёркина»: «На полу у старой хаты сапогом своим чертил наступления и охваты, клинья, фланги, рейды в тыл...»

– Доложите, товарищ старший лейтенант, когда ожидаете противника перед фронтом батальона, – обратился Черных к командиру 8-й роты Капустяну, изображавшему НШ 3-го батальона. Капустян, стрельнув глазами, с ходу выдал:

– Через 4—5 часов! Обосновываю: в условиях прорыва обороны при непрекращающемся сопротивлении наших

войск скорость наступающего противника, согласно нормативам, не превышает 4—5 км/ч. До рубежа прорыва по карте 20 километров!

— По каким «нормативам»?

— Ну... так считается...

— Кем «считается»?

— Ну... ва-аще...

— Товарищ майор! Вы согласны с оценкой своего начальника штаба?

— Меркулов с надеждой взглянул на Капустяна, принял положение «смирно» и выпалил:

— Так точно!

— Хм. А вы, товарищ старший лейтенант?

Командир 5-й роты Репин, «выделенный» «пахать» за родного комбата, с ответом не спешил. Сыну боевого генерала, представителю славной офицерской династии не следует суетиться. Сейчас он им покажет, кто есть кто. Чтоб не думали, что он получил звание и роту досрочно благодаря отцу. Голову на плечах надо иметь, а не кочан капусты.

— Не согласен, товарищ майор.

— Поясните.

— Когда вы доводили тактическую обстановку, особо подчеркнули активность разведывательных подразделений противника. Их следует ожидать в любой момент, но наиболее вероятное появление перед передним краем через час-полтора после прорыва.

– Вот так, дорогие товарищи, – удовлетворённо мурлыкнул Черных. (Наверняка думают, что он, Черных, «двигает» Репина по протекции папы-генерала. Пусть убедятся: у сына своя голова на плечах.)

Товарищ майор! – запальчиво воскликнул Капустян, которому давно пора из мнимого начальника штаба вырасти в реального (тем более, должность свободна), – из темы занятий, из тактической обстановки я сделал вывод, что ваш вопрос касается подхода основных сил противника. Разведка ведётся обеими сторонами непрерывно, её всегда надо ждать, это аксиома боевых действий...

«Началось, – с тоской подумал Иванов, – пошли молоть... На занятиях, учениях постоянно разбирались одни и те же «классические» ситуации и решения «исходя из опыта Великой Отечественной войны», отгремевшей сорок лет назад. В различных видах боя таких шаблонных решений насчитывалось не более десятка; не трудно заучить наизусть как «Чуден Днепр при тихой погоде» и бойко чесать на любых занятиях, меняя лишь названия населенных пунктов да номера частей «противника». Уличить в трафарете нельзя: «торжественный комплект» составлен в строгом соответствии с положениями устава. Советского, разумеется. Номера частей всегда реальные, такие части у вероятного противника есть, но их тактика, вооружение, особенности действий в локальных конфликтах и широкомасштабных войнах в частях никогда не разбирались и не изучались. Не гово-

ря уже об особенностях национального военного мышления командного состава, механизма принятия решений... Практически во всех «играх» «восточным» всегда противостояли «западные» хоть и под иностранными номерами, но, по сути, те же «восточные». Дурачить друг друга они могли бесконечно и каждый при этом оставался орлом-победителем. Иванов попытался выяснить насколько «классические» ситуации боевого устава соответствуют практике современных войн. Задача казалась нетрудной: как утверждают замполиты, империалисты после 2-й Мировой войны развязали более 30 войн в различных уголках планеты. Кинулся Иванов изучать литературу и сразу понял: ничего из неё почерпнуть нельзя, кроме политической оценки событий и разоблачения «происков реакционных сил». Пришлось собирать материал по крупицам, благо подоспел солидный труд «Вооружённая борьба народов Африки за свободу» (ужасный дефицит!) ... Картина вырисовывалась достаточно отчётливая: не так сегодня воюют, совсем не так как 40 лет назад: высокая мобильность войск, массированное применение авиации, особенно вертолётов... а главное – требуется высочайшая степень взаимодействия между всеми звеньями боевой структуры войск. Здесь залог победы. Взаимодействие – это связь. Связь – позор Советской Армии. Высокая мобильность боевых действий предполагает их огромный пространственный размах, а, значит, предельную концентрацию физических и нервно-психических усилий людей. А люди...

Солдат не обучен и физически не развит. Сержант беспомощен. Офицер бесправен. Высокая концентрация огня – возможность не считать боеприпасы – обеспечивается высокой производительностью труда в промышленности. «Хоть здесь у нас вроде порядок: больше всех в мире стали выплавляем,» – подумал Иванов.

... – Так какие силы, по вашему мнению, выделит противник для атаки вашего района обороны? – третий раз допытывался Черных у натурального комбата Меркулова. Казалось, жила на лбу Меркулова сейчас лопнет от напряжения и фонтан горячей меркуловской крови ударит в лицо Черных, раскрасив его воинственными тонами, как благородный лик предводителя индейцев Чингачгука Большого Змея.

– Полагаю, усиленный полк, – хрипло произнес Меркулов.

– Правильно, товарищ майор! (Всем послышалось: «Слава богу, товарищ майор!») Чем усиленный? – допытывался несостоявшийся вождь краснокожих.

– Да не правильно же! – не выдержал Иванов. – Нет у них полков. У них бригадная система, они бригадами воюют.

– Фу, чёрт! – мгновенно отреагировал Черных, – Действительно, бригады. С вами, товарищ Меркулов, как звать родную мать, забудешь.

– Докладываю, – протянул руку помощи родному комбату Капустян, – следует ожидать потрёпанную при прорыве нашей обороны механизированную бригаду, усиленную танковым батальоном и батареей 105-миллиметровых гаубиц при

поддержке звена вертолётов. Вероятный боевой порядок – два эшлона и резерв.

«Чёрт бы его побрал! Слишком умный – больше командира полка знает», – Черных поморщился: – Не вам был задан вопрос, товарищ Капустян. Вы согласны с такой оценкой противника, старший лейтенант Репин?

– Согласен. Но, учитывая, что батальон располагается в полосе главного удара противника, полагаю, что состав бригады 3—4 батальона, а вместо батареи 105-мм гаубиц может быть батарея или даже дивизион 155-мм гаубиц.

– Хорошо. НШ-3! Доложите свои возможности по отражению атаки противника. И что уже сделано.

– Есть! – подпрыгнул «НШ-3», готовый хоть сейчас побежать и водрузить Красный флаг над Пентагоном, – к 10-ти ноль-ноль...

– Прекратите, товарищ старший лейтенант. Вы что, ефрейтор в увольнении? Грамотный офицер никогда не скажет «ноль-ноль». Принято писать «0—0», а произносить «часов»: 10 часов, 0 часов, 12—15 – тут уж без всяких «часов» -«минут». Ясно?

– Так точно, – покраснев, ответил Капустян.

...«И кто меня, дурака, за язык тянул – каялся Иванов, уткнувшись в карту, – сто раз клялся: молчать, ничего не видеть, ничего не слышать. Нет, вылез, идиот... Время надо оседлать. Кто владеет временем, тот владеет жизнью. На кроссе, марше, в карауле я научился сжимать или растя-

гивать время. Но как только дурацкая лекция, дурацкое совещание, дурацкое занятие – время словно останавливается, и не сдвинуть. Легче всего, конечно, прикемарить...»

– Ну а вы, товарищ капитан, что предлагаете в данной, я бы сказал, непростой, обстановке?

– Кто, я?! – вскочил Иванов, поправляя съехавшую на ухо фуражку и мимолётно зыркнув взглядом в карту соседа.

– Нет, я! – ядовито оскалился Черных.

Пауза. Капустян, прикусив кончик языка, раскрашивал «яйца». * Видимо «противник» уже ворвался в район обороны на стыке двух рот.

условно обозначенные на картах в виде эллипсов позиции подразделений. Могут быть красного, синего, чёрного цвета.

Иванов усмехнулся, окинул взором местность и пошёл читать белым стихом:

– Сосредоточенным огнём всей приданной и поддерживающей артиллерии и штатных огневых средств останавливаю вклинившегося противника на рубеже северные скаты высоты 160 и 2 – отдельное строение южные скаты высоты 118 одновременно в тесном огневом и тактическом взаимодействии с ротами 1-го эшелона провожу решительную контратаку силами второго эшелона...

В принципе наворочено достаточно, но как же не свалять «ваньку» до конца хотя бы в виде компенсации за бездарно

растраченное время:

– ... стремительно выхожу на фланги и в тыл прорвавшихся подразделений развиваю успех всеми наличными танками и БТР в ходе преследования на плечах противника врываюсь на высоту «Огурец» и заняв оборону по её западным скатам готовлюсь к отражению контратаки...

– Погодите, погодите, – опомнился Черных. Он подозрительно посмотрел на капитана, потом на карту, потом в поле, потом опять на капитана и осторожно заметил:

– Преследовать пока никого не надо. Итак, вернёмся к положению на 12 часов. Ваше решение, майор Меркулов.

– Ну... я вот, как Петрович... капитан Иванов доложил, да!

– А что он доложил?

– Ну, это, – Меркулов расправил плечи, – наносишь сокрушительный контрудар...

– Что?! – Черных выронил карту и замер с раскрытым ртом. В следующее мгновение «обучаемым» показалось, что «противник» действительно начал артподготовку, а если бы стоящий рядом командирский «уазик» был не «уазик» а боевой конь, то он бы присел от оглушительного хохота своего хозяина:

– Ха-ха-ха... ор-ригинально, товарищ майор, ха-ха-ха! Да будет вам известно, товарищ майор, что контрудар, да ещё сокрушительный – прерогатива минимум командующего армией. Ха-ха-ха! Пока извольте ограничиться контратакой.

Вот когда вы, товарищ майор, станете командующим армией (Черных щелкнул каблуками), тогда мы все, товарищ майор, как один человек, товарищ майор, кинемся наносить начертанные Вами контрудары!

Придя в отличное расположение духа, Черных прыгнул в «уазик», прокричав: ««Готовте мне решение. Я на танкодром, сейчас буду!»»

И укатил. Офицеры опустились на траву.

– Эх, мать его... – сказал Меркулов, доставая «беломорину», – 20 лет «воюю», а как учения, всё одно и то же: ткнут в высоту: «Атакуй!». И топаешь напрямик вслед за танками... А как рассуждать, так все умные...

– Не бери в голову, Иваныч, – успокоил Репин, – плюнь! Чтобы в этой армии навести порядок, нужна, как минимум, одна маленькая война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.